

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЮСТИНАС Марцинкявичюс подарил мне номер «Дружбы народов» с его поэмой-драмой «Собор» в переводе Д. Самойлова.читаю, перечитываю и снова вижу перед глазами образ сына литовского крепостного крестьянина, талантливый зодчего с прекрасным, но израненным сердцем, построившего свою «Колонну», свой «Собор» и познавшего всю горечь разочарования. Но все равно поэма утверждает: долг каждого художника воздвигнуть свой «Собор». Даже если это делается ценой жизни...

Зодчий Лауринас Стуокал Я вижу его в облике, которое ему придал актер Литовского академического театра драмы, заслуженный артист республики Арнас Росенас. Он молод и красив. В чуть косо расставленных глазах — непрерывная, напряженная работа мысли. Герой поэмы проходит круги прозрения, мужает, зреет, точнее и беспощаднее становится взгляд этих страшных глаз.

Сначала он открыт добру и дружбе. Он жаждет творчества, он ищет приложения бурлящих сил. Он молод и влюблен в свое искусство. Все остальное для него вторично: голод, нищета, ужасный произвол епископа, ограниченность и разобщенность черни... Он воздвигнет свой «Собор», и людям станет светлее, радостнее, легче. Лауринас исполнен возвышенных идеалов.

Но он одинок среди людей. Он словно царит над ними на крыльях своего вдохновения. Искусство — его единственный собрат! Дерзко и весело готовится он совершить свой подвиг, воздвигнуть свою «Колонну».

Но для кого она?

Юному зодчему она нужна для доказательства приоритета Правды и Красоты. Но деньги платит за ее сооружение его покровитель и ненавистный враг — всемогущий магнат епископ Масальский. Талант архитектора закуплен на корню. Он нужен деспоту для утверждения своей черной власти над людьми. Власть смердит, она обречена. Тирану нужен «допинг», чтобы скрыть черты надвигающегося заката. Пока же Масальский платит, он владеет дарованием художника, его судьбой, его любовью.

«Колонна» Лауринаса нужна для страха и обмана?

Сложнейшее борение мысли, многоступенчатый и трудный процесс идейного и социального прозрения, тяжкий путь крушения иллюзий проходит на сцене Лауринас в исполнении Росенаса. И мы видим, как с глаз художника спадает пелена, как горькое разочарование поселяется в них, вытесняя вдохновение и радость жизни. Художник набирается мудрости. И возмужавший, он провозглашает в финале: «Что б ни было, живи! Стань Пантеоном и Мавзолеем, коль не стал Собором. Все сохрани, что принесем тебе и мы, и будущие поколения...»

Такого Лауринаса создает на сцене Арнас Росенас.

А ведь можно было упростить задачу: свести все к банальной схеме, накидать расхожих «ассоциаций»... Но не таков Марцинкявичюс, не таков и артист, подымающийся до воплощения этой поразительной философской поэмы. Ни драматург, ни актер легким путем не ищут, не принимают. И если свести к одному знаменателю всю сложнейшую полифонию граней актерской работы над этим сложным, «малотейральным» образом, то, вероятно, можно прийти к выводу, что более всего артиста интересует именно социально-философская суть поэмы-драмы.

Пластичный, хотя и не очень энергичный в жесте. Четкая, сдержанная интонация. Скупая мимика. Аскетичная палитра красок. И все-таки, мы видим во всех нюансах, над чем и как на протяжении всего моноспектакля артист страстно, трагично думает на сцене. И душой этой, пронзенной черной сердцем, он будоражит, электризует зрительный зал.

Счастлиное совпадение персонажа с психофизическими данными артиста? Да, пожалуй. Но не только. Это еще и плод глубокого исследования, осмысления, острейшей работы.

До трехсот раз шел «Миндаугас» на сцене Литовского театра драмы. И все еще он в действующей афише. Это первая часть трилогии, задуманной Юстинасом Марцинкявичюсом. Росенас играет в этом спектакле Висмантаса, верного, преданного друга великого литовского князя. Висмантас и похож и не похож на героя второй части трилогии «Собора». Разве что Висмантас старше Лауринаса, чуть сутуловат и хром... И если Лауринас расстается с иллюзиями постепенно, мучительно, пласт за пластом, то к Висмантасу прозрение приходит сразу, как катастрофа, как взрывающая волна. И гамма чувств сведена в один трагический аккорд.

Росенас увлечен опять-таки философско-психологической субстанцией характера своего героя. Да, он беспредельно, фанатически верил в Миндаугаса. Не потому, что идеализировал этого челове-

люди искусства

П О В Е Р И Т Ь В С Е Б Я...

Ольга МАКАРОВА

ка. Висмантас умен и видел ошибки, просчеты своего избранника. Но в его понимании Миндаугас верно служил их общей родине — Литве. Быть знаменосцем этой борьбы может лишь личность цельная, безупречная. Сила воли, мудрость, максимализм Миндаугаса подтверждают правильность выбора Висмантаса: да, его избранник достоин доверия. И Висмантас готов защитить вождя и друга от любого удара.

Но когда он узнает, что жена его — красавица Морта изменила ему, что ребенок, рожденный ею, — сын вождя, рушится выстроенная Висмантасом «Колонна». Происходит катастрофа. Свет меркнет. Жизнь теряет смысл.

Нет, Росенас играет отнюдь не взрыв ревности обманутого мужчины. Тем менее смакует артист болезненную ущербность калеки. Росенас «играет» крушение идеала, без которого не может продолжаться жизнь. Тот, кто казался непогрешимым, — грешен, кто казался носителем высокой правды, — лжец, защитник справедливости — порочен. Раз Миндаугас обманул в любви, он может обмануть и в борьбе. Не тот вождь, не та, значит, идея...

Пусть это метафорично, условно, обобщено. Но Росенаса в этом материале увлекает причина кризиса самой идеи. Идеи, не опирающейся на объективную зрелость социальной ситуации. Идеи, ради которой нельзя оправдывать бесчеловечность средств... И прошедшему через этот кризис Висмантасу не остается ничего, кроме смерти. Жить с полуправдой, с полунадеждой он не способен. И он закалывает себя тем самым мечом, которым готовился самоотверженно защищать Миндаугаса.

В различных инсценировках романа И. Авижюса «Потерянный кров» Арнас Росенас играл полностью противоположные роли: советского пленного летчика, печально, мудро, человеческого, и офицера гестапо — холодного, рассудочного зверя. Он был Ведущим в поэтическом спектакле по стихам А. Балтиса, проникновенно и удивительно просто читал его репликационную лирику этого замечательного советского литовского поэта.

Вообще Росенас любит стихи и выступает как чтец. Это особая грань его артистической природы.

До десяти программ, в том числе «Не могу я жить равнодушным». Маяковский. Горький, Саломея Нерис, «Молодая гвардия», Ширвис, Есенин, Якшас. Мечтает о Лермонтове. Но еще «не созрел», еще не разрешает себе приступать к работе над его стихами.

К своим концертным выступлениям артист относится чрезвычайно ответственно.

— После концерта, как и после спектакля, я чувствую себя опустошенным, — говорит он. — Если, конечно, выступление прошло более или менее удачно. Я отдал целый поток эмоциональных калорий. Надо его восполнить. Иначе на следующем выступлении я задохнусь, окажусь пустым, как барабан... А как его заполнить? Думать. Искать. Смотреть на людей. Заглядывать в их сердца. Словом, черпать из того самого «резервуара», который я же с таким ожесточением старался пополнить... Но главная сложность

наших отношений со зрителем глубже. Художник должен чуть опережать сознание людей, чуть дальше видеть, чуть тоньше чувствовать. Он должен будоражить умы и сердца, чтобы бойцы десятой пятилетки выходили из театра с жаждой деятельности, с активной готовностью к неприятию всякой плесени, всякого благодушия. Ведь когда жизнь наших людей станет еще краше, благополучнее, станет еще доступнее, опасность эгоцентризма, «вещизма», равнодушия не исчезнет сама собой. Художник должен бить в набат, звать на борьбу с такими явлениями, как стяжательство, частичное собственническое теплосиби, бюрократизм и равнодушие к человеку. Как хорошо об этом было сказано с трибуны XXV съезда!

— Именно в таком плане мыслятся мне, — продолжает артист, — и новая моя роль в пьесе И. Грушаса «Цирк», которую мы сейчас репетируем. Я играю Директора цирка. Человек-циркуляр. Человек — буква закона. Что ему до заблуждений, боли, исканий? Откуда берется этот бездушный формализм в условиях нашего общества? Каковы корни таких взглядов? Как важно понять это и вскрыть в своем искусстве! Искусство, по моему, всегда должно выявляться в борьбе. Пусть даже иногда раз с самим собой. Если нет борьбы — нет движения. Если нет движения (мысли!) — тогда на сцене застой. А застой никому не интересен.

Арнас задумывается. Говорит медленно, словно взвешивая слова:

— Разобраться в социальных и психологических корнях характера, открыть причинный ряд... Тогда найдутся и внешние средства выразительности... Кто-то заметил однажды, что у моего гестаповца Данеля все время сохнут губы. Я то и дело обливаю их. Это, конечно, внешняя черточка. И сам не знаю, как она нашлась. Вероятно, в результате того, что вижу этого мерзавца иссушенным, жестоким, лишенным жизненных соков садистом. Я видел таких в природе в страшные годы моего детства, когда они терзали литовскую деревню...

— Наши взаимоотношения с глазами режиссером, — замечает Арнас, — это трудный, но очень радостный взаимобмен. Тебе кажется, что ты всего добился сам. Открыл! Дозрел! Создал! Значит, можешь? Значит, есть еще «порох в пороховнице»? И лишь потом начинаешь сообщать, что это именно он, его режиссерская воля вывела тебя на верную трассу. Как? Когда это случилось? Он ведь ничего не подсказывал, не «натаскивал», за руку не вел, не давал никаких деталей. Заставлял только повторять, повторять... И вдруг — его воля стала моей. Нашей общей. Разве это не есть цель режиссуры? Да вообще, на мой взгляд, и всякого руководства людьми. Можно вести людей, мелочу их опекая, не доверяя им, не веря в них. И путь познания, жертв приведет их, выражаясь словами моего Лауринаса, «в ночь, после которой не наступит утро». А можно — и нужно! — помочь человеку поверить в себя, сделать человека гордым от сознания, что он «достоин жизни».

ВИЛЬНЮС.

● Заслуженный артист Литовской ССР А. Росенас.

Фото Л. Масюлиса.